Владимир СИЛКИН Золотая пора

НА ПОЛЕ КУЛИКОВОМ
Дивное таинство света,
Явственный скрип облаков.
Синью земля разогрета,
Жарким дыханьем веков.

Мудрая песнь жаворонка
Снова над русской избой,
И откликается звонко
Поле, что стало судьбой.

В нём и ромашки, и кости,
Кровь, что прозрела кустом.
Гости мы, Господи, гости,
Твари мы, больше никто.

ПЫЛЬ ВЕКОВ
Бюст Суворова, бюст Ушакова,
Издалёка побед не видать.
Новеликое русское слово
Повергало их недругов вспять.

Эти бюсты из гипса на полке,
Мне за книги они вручены.
И стоят они не в треуголке,
Эти гении вечной войны.

Никому они не проиграли,
Не отдали ни пяди земли.
Ордена боевые, медали
Их в суровых сраженьях нашли.

Пыль веков с них
фланелью стираю.
Этой пыли отведали всласть.
Но дошли они в битвах до рая,
В сущий ад не сумели попасть.

БЕЗЫМЯННАЯ
Никакого имени у речки,
А когда-то с именем жила.
Как же забываются словечки,
Если нет деревни и села.

Если рядом жителей не видно,
То кому о речке говорить.
Но она, хотя ей и обидно,
Будет до последней капли плыть.

Золотой, сердечной и туманной,
Через поле бывшее и лес.
Пусть она зовётся Безымянной,
Лишь бы добежала до небес.

СТОГ
Отдыхаю возле стога,
В три версты проделав путь.
Неужели он от Бога,
Чтоб я мог передохнуть?

Ничего другого в поле,
Ни соломинки вокруг.
Как я жил с чужою болью,
Как свою увидел вдруг?

Сам не знаю, что случилось.
Может, правда, жизнь прошла,
Или сердце научилось
Отличать добро от зла?

ЗОЛОТАЯ ПОРА
Снова осень пришла,
золотую листву наметая,
Снова павшие листья
купаются в лужах с утра.
Неужели и правда,
сегодня пора золотая,
Неужели и правда,
бывает такая пора?

Ах, земля ты моя,
словно доброе тесто, густая,
Сколько можно хранить
под собою добра?
Неужели и правда,
сегодня пора золотая,
И к отлёту и мне не спеша
собираться пора?

Как холодные бабочки листья,
с деревьев слетая,
Не находят в дожди,
чтоб хотя бы согреться, костра.
Неужели и правда,
бывает пора золотая,
Неужели и правда,
приходит такая пора?

ВДВОЁМ
Как хорошо молчать вдвоём,
Как хорошо в беду не верить.
Молчать и думать о своём,
И с болью вспоминать потери.

Глядеть в дождливое окно,
Глаза распахивая лету,
Где, вероятно, суждено
Быть чаще солнечному свету.

Как хорошо молчать вдвоём,
Своё разглядывая фото.
Живём? Конечно, брат, живём,
Да и пожить ещё охота!

ТРАНШЕЯ
Пахнет пухом лебединым,
Свежескошенной травой,
И такой необходимой
Среднерусской синевой.

Постою один над прудом,
В зелень пруда загляжусь.
Если есть на свете чудо,
То, конечно, это Русь.

Всё не так, как рядом где-то,
И покой, и глубина.
И она за всю планету
Заступается одна.

Выгибает лебедь шею,
Сбор лягушек на пруду…
И от этой вот траншеи
Я до смерти не уйду.

ВСЁ РЕЖЕ
Всё реже птицы просятся в окно,
А, значит, меньше петь нам суждено.

Бывало встанешь, вот они уже,
И песенно, и ясно на душе.

С годами всё уходит, и они
Всё по лесам кочуют и одни.

И пойдём тропинкой росной
По лугу, через шершок.
Ну, держись сазан бесхозный,
Сам залезешь в вещмешок.

ИДУЩИЙ
Стираются всякие грани,
Дожди исчезают и зной,
И мне неизвестно заранее,
Что будет в итоге со мной.

Откуда придёт непогода,
Кому на земле надоем?
Молюсь,
чтоб Идущий по водам
Бессмертие вымолил всем.

Пусть солнце взойдёт надо мною,
Пусть будет немало дождей.

Он вымирает, но живёт
Глубинный сказочный народ.

Встает с печи, берёт котомки,
Встречайте, русского, потомки.

ГРУБОСТЬ
Он нередко выказывал грубость,
Только мнимою грубость была,
И его бесшабашная глупость
Многих мудрых
по жизни вела.

Поглядеть, ничего за душою,
Кто бы что у него ни просил.
Жизнь бесхлебной была,
но большою,
Где ни слёз не хватало, ни сил.

Он проявит последнюю грубость,
Чтоб кого-то спасти от беды,
Чтобы приняли
чьи-нибудь губы
Крошку хлеба и каплю воды.

ДАЧА
Нет ни печки у нас, ни камина,
И остыл замечтавшийся дом,
Но зато разгорелась рябина
И сжигает листву под окном.

И летят к ней озябшие птицы,
Согревают неспешно крыла,
Только тренькают рядом синицы,
Проживая всю жизнь без тепла.

Но вот-вот снегири соберутся,
Чтоб отпробовать ягодный ром,
А пока воробьи рядом трутся,
Чтоб набраться тепла на потом.

В ЭЛЕКТРИЧКЕ
Мы в электричке вдвоём
Мысленно годы итожим,
Каждый молчит о своём,
Но, вероятно, о том же.

«Ну, и куда ты, родной,
В эту дождливую среду?» –
«Так, ведь, у нас выходной,
К матушке еду».

Радуюсь, значит, жива
И дожидается сына.
Им никакая трава
Не разорвёт пуповину.

Он ей не даст прорасти
Рядом с могилой соседа.
Господи Боже! Прости!
С матушкой
вижусь по средам…

СИНИЦА
Залетит синица в двери,
Как, не знаю, залетит.
И дождливым днём осенним
Снова сердце загрустит.

Всё не так и всё не этак,
В гости никого не ждёшь,
Но летят синицы с веток
Переждать колючий дождь.

Только как вот?
Дверь закрыта,
А внутри сплошная тьма.
И как в гроб, стучат в корыто,
Чтоб свести меня с ума.

ПЕРЕД РАЗЛИВОМ
Топчется ветер у речки.
В речке сплошная шуга.
Шепчутся по-человечьи
Ждущие лёд берега.

Я не забыл эти вздохи,
Эту колючую муть,
Льдины прошедшей эпохи
И завершившей свой путь.

Как же давно это было!
Это ведь было со мной.
С невероятною силой
Шар пошатнулся земной.

Льдины уходят навеки,
Снова вздыхает вода.
И очищаются реки,
Чтоб не мелеть никогда.

ДИКИЙ ЧЕСНОК
В ущелье Опёныш, где сходятся горы,
Чеснок по откосам ядрёный в кустах.
Сюда поднимаюсь по снегу, который
Никак не растает в отдельных местах.

Иззубрины скал на обветренном гребне,
В теснине на дне талый бьётся поток.
Не знаю я дней
в своей жизни целебней,
Чем тех, как сюда я вскарабкаться мог.

На склоне крутом между каменных складок
Вздымает зелёные стрелки свои
Чеснок этот сочный, он горек и сладок,
И будто бы дразнит: попробуй – сорви!

Взбегу по тропе по-над пропастью узкой,
И вскружит мне голову вновь высота.

Я с детства обучен подъёмам и спускам,
А скал пооблазил – до ночи считать!

Я свой на горах среди редких растений,
И этим всегда и везде дорожу.
Чеснок мне напомнил кержацкое племя,
К которому кровно я принадлежу.

ДЕД
Не у деда моего
Ни могилки, ни креста.
Нет в архивах на него
Похоронного листа.

Только: «…без вести пропал…» –
В деревеньку на Алтай,
В избу, где дымил чувал,
Настудило, и не в май

А в заснеженный январь
Горе почтальон принёс.
Холодела синева
От горючих детских слёз.

Есть у деда моего
Больше двух годов войны.
Нет у деда моего
Перед Родиной вины.

Он в пехоте воевал
И винтовкой, и штыком.
Рукопашные знавал,
Не единожды притом!

Сердцем двигала его
Ярость попранной земли.
Много видел он всего,
Когда вновь на запад шли.

Мама помнит с юных дней:
Дед телегу подвезёт
К речке, полную груздей,
Лошадь ловко распряжёт,

Кадки выкатит к воде,
Улыбнётся широко:
Вот опять поспел везде
Алексей Ильич Альков!

Перед самою войной
Дед задумал новый дом
Строить, каждое бревно
В сруб определив ладом.

Но едва на фронт ушёл,
Как пронырливый колхоз
Поступил нехорошо:
Брёвна со двора увёз.

Был ли умысел в том злой
Или шаткие дела,
Но солдатка с ребятнёй
Так в избушке и жила.

Дед под Витебском убит,
Там его последний бой.
Он от нас навек укрыт
Стылой взорванной землёй.

Старцем Оптинским на перекрестье судьбы
В дни скитаний моих по великой стране
Образок этот хрупкий подарен мне был,
И теперь он всегда возле сердца при мне.

Богородица Дева с Младенцем на нём.
И пронзительно внятен в своей высоте
Девяностый псалом «Живый в помощи». Он
Вязью выписан чуткой на тыльном листе.

Я его прочитал всего несколько раз
И запомнил весь текст без труда наизусть.
Помогла память крови, что в каждом из нас
Есть от прадедов крепких, взлелеявших Русь!

Помогла память веры, в которой псалмы
И молитвы хранятся в живой кладовой.
День приходит, и к ним обращаемся мы
Как к истокам своим и защите святой.

Её страдания и муки
Всего корёжили меня.

И корчась телом своим бренным,
Я уж почти что не дышал,
Когда вдруг необыкновенно
Моя воспрянула душа.

Нам выпал век непоправимый…
Он столько предопределил! –
Но участь родины любимой
Я с ней
всей жизнью разделил.

* * *
Да, мы повадками медведи.
Родимых палестин руда.
Неблагодарные соседи
Нас беспокоят иногда.

Конь, рассекая волну,
Камни упрямо крушил.
Слились, казалось, в одну
Две наших тёплых души.

Выбрались мы на обрыв,
А за спиной у меня
Бился поток, что открыл
Верность и силу коня.

* * *
Я не ломлюсь в чужие двери.
Вопрос со средствами решён:
Четвёртый год пенсионерю –
И это, братцы, хорошо!

Я сын крестьянский и советский,
К труду привычный – не к деньгам.
Люблю страну мою по-детски
И не терплю соседей гам.

И мне ли каяться по жизни,
И тут и там винить судьбу?
Не нужно мне заёмных истин,
А кто полезет – зашибу!

Манерам приторным и «тонким»
Я никогда не пел хвалу…
Мне дров берёзовых бы звонких
Да килограмм на пять колун!

Умею стог поставить добрый,
Взобраться на гору могу.
Я – русский. Мы народ особый –
Я это в сердце берегу!

ЯЩЕРКА
Ящерка на грядке огуречной,
Изумрудно-юркая моя,
Распласталась чудно и беспечно,
Словно отраженье бытия.

Словно то, о чём всегда мне пелось,
Будто самый драгоценный миг.
И она ко мне уж пригляделась.
Да и я к ней, кажется, привык.

* * *
Река, что стремниной крепнет –
Будто табун рысаков
Несётся. Бурунов гребни
Касаются облаков.

И падает вдруг в ущелье,
И разбивается вдрызг.
Немыслимо каруселя
Под песню камней и брызг.

Несётся, как заклинает…
Ей весело на краю!
Как это напоминает
Беспутную жизнь мою.

Юрий МАНАКОВ Под песню камней и брызг…

Сколько уж прошло всего
После горькой той войны.
Нет у деда моего
Перед Родиной вины.

БАРАБАННАЯ ДРОБЬ
Блеск ребячьих сандалий. Пионерский отряд.
В парке рядом с фонтаном скульптурный ансамбль:
Дети с лётчиком в шлеме полукругом сидят,
А над ними театр, как былинный корабль.

Как мечтал я отрядным барабанщиком стать,
Да не в такт выбивал я барабанную дробь.
И тогда я шалашик придумал в кустах –
От хождения строем в нём упрятаться чтоб.

Но меня отыскал пионерский дозор.
Я на солнце с позором полдня простоял.
Не люблю я ни строй, ни шеренги с тех пор,
И к вожатым навек пиетет потерял.

Среди ветра и вьюг отзвенели года.
Не всегда по теченью по жизни я грёб.
Всё давно позади, только вот иногда
Меня будит в ночи барабанная дробь.

КОРОБ ЗАБВЕНИЯ
Как он бездонен-то короб забвения!
С каждым падением – выше борта.
Я на краю сижу. Через мгновения
Мимо летят: то страна, то мечта…

Не преминут рухнуть в бездну отвесную,
Молча иль брызгая сочной слюной,
Слава всемирная с бурной известностью,
Трезвый политик, правитель хмельной.

Падают, сыплются листьями осени,
Позже ваяют им там, на земле,
И барельефы, и статуи броские.
Всё это канет в песке и золе.

Так и не понята нами вселенная,
Так и не принят божественный пыл.
Светит расплывчато короб забвения
Сквозь серебристую звёздную пыль.

* * *
Дикой малины упругие стебли,
Листья шершавы, и ягоды – всласть.
Царские кудри от зноя ослепли.
Солнца июльского полная власть.

В тень под сплетение веток прилягу,
В сводах шмели прожужжат надо мной.
Горло смочу родниковой из фляги,
Набранной только что, вкусной водой.

Ягоды спелой малины лучатся,
Как новогодние светят шары.
Милая родина! Тихое счастье
В сердце хранить вот такие миры!

ЖИВЫЙ В ПОМОЩИ
На стене отпечаток переплёта окна.
Там колеблются тени шелковистых ветвей.
И сквозь их отраженье иконка видна,
Молчаливая спутница жизни моей.

ЭХО ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
На челябинской площади
привокзальной – в углу,
Словно от нежелательных глаз в стороне хоронясь,
Постамент и вагоны на рельсах. И если ты глуп,
То тебя вразумит вот такая словесная вязь:

«Это памятник чехам –
пленным, погибшим в боях…»,
То есть тем, кто безбожно кровавил Урал и Сибирь,
Кто с Антантой отъявленной на сугубых паях
Столько русских безвинных людей
ни за что погубил!

Кто в гражданской сумятице поживился с лихвой.
Горько помнит Транссиб до сих пор
их чумной перепляс.
Не в таких ли вагонах и запас золотой
Умыкнули тогда же под шумок белочехи у нас?

То ли в бронзе покоятся, то ли отлиты в медь.
Где у подлости здешних властей берега?
Плюнул я себе под ноги: хватит на это смотреть!
…Знать не зря губернатор челябинский
нынче в бегах?

НАГРАЖДЕНИЯ В КРЕМЛЕ
Навешивают медали,
Прикручивают ордена.
А вы вообще видали –
Какая теперь страна?
Заброшенные полустанки,
Некошеные поля:
Не скатерть – не самобранка
Родная моя земля.
Распахнуты настежь двери
Для импортных нечистот.
И уж ни во что не верит
Изверившийся народ.

Помпезно и с позолотой
С экранов и наяву
Бормочут правители что-то.
Как будто не здесь живут!

Как змеи из жуткой сказки,
Без страха и каждый день
Бесчинствуют кавказцы
И прочая дребедень.

Отпор им не дашь, ведь сразу
Продавшиеся чины
Засудят тебя для показу,
Без всякой твоей вины.

Неужто и впрямь настали
Последние времена?..
Поблескивают медали,
Посверкивают ордена.

* * *
Мне снились мутные озёра
И лес гнилой из них торчал.
Ветрище тучи рвал, а ворон
О близкой гибели кричал.

А я, упав, раскинул руки
И лоскуток земли обнял.

Понятно, что они не сами,
Подначить бывших есть кому.
Когда же им отбило память?
Им дали мало? – Не пойму…

Спасли, пригрели, обучили,
И даже в высший свет ввели,
И от щедрот – не от бессилья,
Своей нарезали земли.

Теперь же слышим вой и скрежет:
«Не должен русский жить медведь!».
…Отринуть их или как прежде
За дурость эту пожалеть?

* * *
Гляди-ка, дали дёру
В отпетые края
Заклятые партнёры,
Махровые друзья.

Да только они те ли? –
Без них в родной дали
И долы посвежели,
И горы расцвели.

Ах, кто б их там приветил,
Богатством привязал,
Чтоб о «партнёрах» этих
Никто не вспоминал!

* * *
От меня привета не хотите ли?
Только вот придётся вам принять:
Я рождён в эпоху победителей.
Нынче это многим не понять.

Отблеском Победы освящённые,
Общностью народа скреплены,
Мы росли, страною защищённые
От голодной жизни и войны.

Были мы доверчивы, а стоило б
Знать, что перевёртыши придут,
Наизнанку вывернут историю
И расцвет советский проклянут.

Пауки, в повадках никудышные –
Тот герой, кто больше понаврёт! –
Заморочат головы пустышками,
Продадут и память, и народ.

Будут бить наотмашь и по темени,
Норовить святое истолочь…
Тёмен лик сегодняшнего времени.
Кроме нас –
кто сможет нам помочь?

* * *
Через поток ледяной
Перевозил конь меня,
Лопнул ремень стремянной,
Я и подался с коня.

Но за седло уцепясь,
Выровнялся на ходу:
Мне бы еще и пропасть
Здесь – на таёжном броду!

Касаются облаков.

И падает вдруг в ущелье,
И разбивается вдрызг.
Немыслимо каруселя
Под песню камней и брызг.

Несётся, как заклинает…
Ей весело на краю!
Как это напоминает
Беспутную жизнь мою.

СТРЕЛЕЦКИЕ ПАЛАТЫ
Вблизи Третьяковки
в стрелецких палатах
Оконца-бойницы, овальные своды.
Теперь здесь музей старины, а когда-то
Я тут обитал в неспокойные годы.

Текли мои дни, не сказать, что напевно:
Вокзалы, бытовки,
случайные встречи.
Ночлег по Москве я искал ежедневно –
И путь не всегда был удачей отмечен.

Но кто-то всё видит, и он же нас слышит –
Водою плеснуло на место пожарищ:
В стрелецких палатах
с причудливой крышей
На вахте дежурил мой давний товарищ.

В хоромах с лепниной,
разбитых на залы,
Тогда здесь работало пять учреждений.
А к вечеру в тереме жизнь замирала –
Чудесней я этих не помню мгновений!

Я коврик стелил, чтоб свернуть его утром,
Был дух благотворным и лёгкими своды,
И спал, как ребёнок, так сладко, как будто
Вперёд высыпался на многие года.